

И. Ямпольский

Упырь

В повести отразились впечатления Толстого от пребывания в Италии, в Комо; в его письме к жене от 2 (14) апреля 1872 года упоминаются вилла Ремонди, Пепина и пр.

В поэзии и прозе Толстого исторической теме предшествовали темы фантастические. Тяга к фантастическому проявилась у Толстого не только в «Упыре», но и в двух других написанных в те же годы рассказах — «Семья вурдалака» и «Встреча через триста лет», а позже — в «Амене». В русской прозе 1820–30-х годов фантастика получила довольно широкое распространение (А. Погорельский, О. Сомов, Н. Гоголь, В. Одоевский, Н. Полевой и многие совсем забытые писатели), превратившись даже в своеобразную моду и вызывая насмешливое отношение у тех писателей, в творчестве которых имела серьезное значение. В. Ф. Одоевский в одном из своих произведений конца 1830-х годов не без иронии заметил, что герой его «рассказывал сказку за сказкой, в которых, разумеется, домовые, бесы и привидения играли первую роль». Другой герой Одоевского насмешливо упоминает в этой связи о «романтической повести ваших модных сочинителей», образцы которой то и дело печатаются в журналах.

Сюжеты и мотивы, лежащие в основе ранней прозы Толстого, имели широкое хождение в западноевропейской литературе конца XVIII — первых десятилетий XIX века, в первую очередь в литературе романтического направления. Отчасти отразились они и в русской литературе. Сгущение тайн и ужасов, окружающих героев, восходит к английскому так называемому «готическому», или «страшному», роману. Недаром в повести «Упырь» читаем: «Разговор этот напомнил Руневскому несколько сказок о старинных замках, обитаемых привидениями» (где обычно и происходило действие в «готическом романе»). Характерное для прозы молодого Толстого переплетение обыденного и фантастического, яви и сна, игра этими двумя планами, так что читатель все время колеблется между бытовым и сверхъестественным объяснением непонятных и таинственных событий, получило наиболее яркое воплощение в творчестве Э. Т. А. Гофмана, пользовавшегося большой популярностью в России в 1820–30-е годы.

Отдельные темы и образы Толстого также опираются на литературную традицию. Такова тема упыря, вурдалака, первоначально почерпнутая писателями из фольклора, народных легенд и суеверий (см., например: баллада Гете «Коринфская невеста», которую впоследствии перевел Толстой, повесть Д. Полидори «Вампир», написанная на основании устного рассказа Байрона и изданная под его именем, «Серапиоковы братья» Гофмана, «Смарра или демоны ночи» Ш. Нодье, «Гузла» П. Мериме, «Влюбленная покойница» Т. Готье, «Киевские ведьмы» О. Сомова), тема проклятия, тяготеющего над родом из-за преступления одного из его представителей (пьесы Л. Тика «Карл фон Бернек», А. Мюльнера «Вина», Ф. Грильпарцера «Прамати», роман Гофмана «Эликсир дьявола», «Страшная месть» Гоголя), мотив гипнотически действующего или прямо оживающего портрета («Мельмот-скиталец» Ч. Мэтьюрина, «Дом с привидениями» и «Таинственный портрет» В. Ирвинга, наконец, «Портрет» Гоголя и «Штосс» Лермонтова). Речь идет не о прямых заимствованиях, а о следовании молодого писателя литературной, преимущественно романтической, традиции. Именно литературный характер некоторых сюжетных приемов подчеркивается иронией, которой перемежается в «Упыре» напряженная манера повествования. Таковы слова о переживаниях Руневского в доме бригадирши Сугробиной. «Вот, — подумал он, — картина, которая, по всем законам фантастического мира, должна ночью оживиться и повесть меня в какое-нибудь подземелье, чтобы показать мне неотпетые свои кости!»

Весьма сочувственно отозвался об «Упыре» В. Белинский, обнаруживший в повести «все признаки еще слишком молодого, но тем не менее замечательного дарования». Черты молодости и незрелости он усматривал в чрезмерной пылкости и напряженности фантазии, «которая еще не успела умериться опытом жизни и уравновеситься с другими способностями души». В отличие от произведений высоко ценимого им Гофмана критик считал фантастику «Упыря» внешней, не таящей в себе глубокой мысли. Но, «несмотря на внешность изобретения, – писал он, – уже самая многосложность и запутанность его обнаруживают в авторе силу фантазии; а мастерское изложение, умение сделать из своих лиц что-то вроде характеров, способность схватить дух страны и времени, к которым относится событие, прекрасный язык, иногда похожий даже на “слог”, словом — во всем отпечаток руки твердой, литературной, — все это заставляет надеяться в будущем многого от автора “Упыря”. В ком есть талант, в том жизнь и наука сделают свое дело, а в авторе “Упыря” — повторяем — есть решительное дарование».